

- ⁴² Там же. С. 17.
⁴³ *Ташков В.А.* О феномене этничности... С. 7.
⁴⁴ Там же. С. 6.
⁴⁵ Там же.
⁴⁶ Там же. С. 6–7.
⁴⁷ Там же.
⁴⁸ Там же.
⁴⁹ Там же. С. 12.
⁵⁰ *Винер Б.Е.* Указ. раб. С. 21.
⁵¹ Там же.
⁵² *Szynkiewicz S.* Silva etnicum // *Konflikty etniczne. Źródła – Typy – Sposoby rozstrzygnięcia.* W-wa, 1996. S. 320.
⁵³ *Арутюнов С.А.* Этничность – объективная реальность (отклик на статью С.В. Чешко) // ЭО. 1995. № 5. С. 7–10.
⁵⁴ *Арутюнов С.А.* Указ. раб. С. 7.
⁵⁵ *Szynkiewicz S.* Op. cit. S. 319–320.
⁵⁶ Ibid.
⁵⁷ Ibid.
⁵⁸ Ibid. S. 320.
⁵⁹ *Арутюнов С.А.* Указ. раб. С. 7.
⁶⁰ См., напр.: *Арутюнов С.А.* Указ. раб.; *Колтиков Е.М.* Указ. раб.; *Винер Б.Е.* Указ. раб., а также *Шандыбин С.А.* Постмодернистская антропология и сфера применимости ее культурной модели // ЭО. 1998. № 1. С. 14–30 и др.
⁶¹ *Рыбаков С.Е.* К вопросу о понятии «этнос». Философско-антропологический аспект // ЭО. 1998. № 6. С. 3–15.
⁶² Там же. С. 6.
⁶³ Там же. С. 10.
⁶⁴ *Бромлей Ю.В.* Указ. раб. С. 262.

I. Yu. Z a r i n o v. It's Time to Look for a Common Language (the problem of integrating different ethnic theories and concepts)

The article continues the scientific discussion of many years on the phenomenon of ethnicity in the social structure of society, and considers possibilities of bringing closer together the Soviet ethnos theory and the Western concept of ethnicity. The author stresses that an integrated approach to studying the phenomenon of ethnicity will bring us closer to a more or less clear definition of the object of study of ethnography (ethnology) and social (cultural) anthropology.

© 2000 г., ЭО, № 2

П.В. Романов, Е.Р. Ярская-Смирнова

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Цель настоящей статьи – ознакомить читателя с этнографическим подходом в социологии. Предметом нашего рассуждения являются теоретическое содержание и методические особенности той богатой исследовательской традиции, от которой отечественная социология до недавнего времени почти полностью изолирована. Речь идет об этнографическом подходе в социологии, о методе социального познания с особой гносеологической природой и собственными жанровыми и стилевыми законами изложения научного текста. Мы не станем напрямую затрагивать проблемы становления и развития этнографии как научной дисциплины, а также отечественной этносоциологии. Наша задача – показать возможности этнографического метода в социологии.

То, на чем мы остановимся, образно можно назвать *этнографическим воображением*, и мы постараемся уточнить сущность и рамки этого довольно значительного явления в социальной науке. В основном мы будем опираться на зарубежные источники, так как в западной социальной науке данное направление представлено весьма солидно, а в отечественной – недостаточно. Надеемся, что этнографический метод заинтересует как социологов, так и этнографов, поскольку его возможности и границы применения весьма широки, а также, что настоящая статья окажется полезной исследователям социальных отношений в городских и сельских сообществах, организациях и субкультурах.

Этнография – дисциплина, жанр, метод

Понятие «этнография» в мировом контексте социальных исследований весьма многозначно. В отечественной науке до сих пор ведутся споры о том, что такое этнография¹. Для этнологии, культурной и социальной антропологии, социологии культуры характерны значительное сходство методологии и размытость границ их предметных областей. Однако это научные дисциплины. На наш взгляд, понятие «этнография» относится к трем разным сферам производства и репрезентации научного знания: дисциплине, жанру и методу. Мы не будем обращаться к вопросам этнографии как дисциплины, но остановимся на особенностях ее метода и жанра.

Жанр этнографии скорее характеризует детальный описательный характер научной репрезентации (представления полученных материалов в отчетах, статьях, монографиях). В таком смысле указанный термин можно встретить как в зарубежных трудах по антропологии, так и в социологических работах. Вместе с тем в социологии к настоящему времени сложилось особое понимание этнографии как непозитивистской, или «качественной», методологии.

Когда речь идет об *этнографических методах*, социологи, скорее всего, вспоминают о включенном наблюдении, т.е. об исследовательской практике, характеризующей классический этнографический инструментарий. Особенности познавательного аппарата этнографии оказались привлекательными при изучении социальных явлений развитых индустриальных обществ и постепенно оформились в самостоятельную социологическую традицию, фокусирующую свой аналитический интерес на проблемах городской жизни, механизмах социальной стратификации, функционирования социальных институтов, трудовых отношений и культурных процессов в организациях.

Однако понятие этнографии в западной социологической науке часто применяется в качестве синонима этнографическому *методу*, т.е. определенному способу познания с особой методологией, теоретическими и этическими предпосылками научной деятельности. Мы не будем подробно описывать его содержание, так как на эту тему существует очень много публикаций на английском языке² и отечественных работ³. В той социологической традиции, о которой мы ведем речь, – это метод теоретического анализа культуры. Здесь культура относится к способу существования и символическим кодам любой группы людей, объединенных общими условиями жизни, труда, интересами или трудностями. Особенно часто в фокус этнографического исследования попадает какая-либо организация, социальная целостность – например, больница, школа (или даже один из школьных классов), фабрика, полицейский участок, магазин. В другом случае исследуются социокультурные особенности той или иной профессиональной, возрастной, гендерной (половой) или субкультурной группы: например, этнография пожилых людей, рокеров, угонщиков автомобилей, стюардесс и пожарных, обитателей городских трущоб, студентов медицинского колледжа⁴.

В мировой науке применение этнографического метода считается чрезвычайно важным не только в исследовании традиционных культур, но и при изучении современных комплексных обществ. Однако при этом собственно этнический фактор выступает на равных с другими культурными различиями, поэтому этнография в такой трактовке является определенным методологическим подходом в социологии. Очевидно, что ме-

тодологические и познавательные основания такой этнографии существенно изменяются по сравнению с тем, что составляет фундамент теорий объективного эволюционизма с его идеями культурного уровня и прогресса.

Методология той этнографии, о которой мы ведем речь, зиждется на понимающей⁵ социологии М. Вебера и таких последующих ее версиях, как социальная феноменология А. Шюца, социальный конструкционизм П. Бергера и Т. Лукмана. Эти исследователи применяют социологический подход к культуре как к идеям, в совокупности составляющим основное, главное определение жизненной ситуации людей⁶, а этнографию представляют как задачу «понимающего» описания определенной культуры.

Развитие познавательных возможностей этнографического подхода в социологии происходило в контексте изменений общественной ситуации. Главные этнографические методы, названные социологами *включенным наблюдением* и *глубинным интервью*, входили изначально в арсенал средств социального работника. Позднее социологи применили эти подходы, практикуемые ранее антропологами для изучения главным образом географически удаленных сообществ, к сообществам «гражданской инаковости» (*civil otherhood*), удаленным в культурном смысле. Тайнственный мир социальных проблем открывался социологу, так же как экзотическая культура — антропологу⁷. В фокусе исследовательского внимания оказался мир трущоб, городских окраин, детской преступности, наркотиков, психических расстройств, самоубийств. Эволюция предмета, метода и развитие теории в русле этнографических исследований привели к существенному изменению палитры социологии.

Если первоначальные описания «других» культур подчеркивали необычность последних, описания образа жизни отдаленных обществ пестрели вымыслами, то сегодня стало ясно, что ценность этнографического описания, так же как и культурных контактов, не связана лишь с экзотикой. Впрочем, и сейчас существуют подобные представления о других культурах, поощряемые индустрией туризма: многочисленные иллюстрированные журналы привлекают путешественников в неизведанные края, показывая красоты природы, экзотику внешнего вида «туземцев», их традиций, обихода, кулинарных изысков или уникальность созданного человеком окружения — памятников архитектуры, гражданских и культовых сооружений.

Вместе с тем важно помнить, что уже в развитии классической этнографии (антропологии) с ее акцентом на экзотику произошло открытие европейским человеком «культурного другого» как важного инструмента собственной идентификации и познания собственной культуры. В самом деле, как человеку удавалось понять себя, если не через противопоставление другим? Как люди смогли признать и осмыслить то, что живем мы в мире своей культуры, если не через знакомство с культурой иной? И все же именно отказ от эволюционистского направления в пользу функционализма, произошедший в начале XX в., усилил интерес этнографов к процессам, порожденным вмешательством европейской цивилизации. Главным образом высветились те явления, которые возникают при столкновении культур в колониях.

Этапы развития этнографического подхода в социологии

Работы чикагской социологической школы, относящиеся к 1920-м годам, занимают совершенно особое место в периодизации социальной науки. Этнографический подход в социологии часто связывают с направлением, восходящим именно к этой научной традиции. Взамен наблюдателя, находящегося вне объекта исследования, деятельность которого направлена на описание социального поведения в терминах внешней по отношению к индивиду причинности, чикагская школа подчеркнула роль «включения» социального исследователя в жизнь объекта, тем самым усилив роль этнографического метода в социологическом исследовании.

Был рожден жанр, который, фокусируясь на событиях современной городской жизни, тем не менее по своей природе относился к этнографическому описанию. П. Аткинсон⁸ отмечает, что при знакомстве с такими работами этого направления,

как, например, «Общество на углу улицы» У. Уайта⁹, читатель невольно вовлекается в сложный процесс конструирования и реконструирования реальности. Этнографическая монография У. Уайта, несмотря на сугубо реалистическое описание социальной жизни итало-американских уличных группировок и множество тщательным образом собранных деталей, оказалась настоящим произведением искусства. Повествование и описание, примеры, характеристики и поясняющие комментарии складываются в искусный и искусственный продукт, и мир, в который мы входим как читатели, конечно, не является для нас непосредственным переживанием опыта «общества на углу улицы».

Рассматривая чикагскую исследовательскую традицию, обратим внимание на особенности научного повествования. Между художественной литературой и социальной наукой сложились четкие стилевые и жанровые разграничения. Однако в чикагской школе с ее акцентом на такие подходы к этнографическим материалам, как *life stories* (жизненные истории) и *slices-of-life* (срезы жизни), происходит сближение этнографии с романом. Идея такого подхода, как указывает П. Кло¹⁰, – создание текстов, в которых автор-исследователь кроме изложения фактов, полученных в ходе полевой работы, представляет свой субъективный взгляд. Вместе с этим, несмотря на очевидное авторское присутствие, изложение ведется простым языком, часто от лица обычных людей, предполагая социальный реализм и научную достоверность.

Итак, именно в Чикаго впервые этнографический метод был применен в том виде, в каком он получил свое дальнейшее развитие в социологии. Повествовательный характер научного описания, акцент на субъективные переживания участников исследования (информанты и ученый), обязательно присутствующий в тексте индивидуальный опыт исследователя и, наконец, практика включенного наблюдения – все это стало признаками этнографической работы социолога. Поэтому в социологической литературе понятия «этнографический метод» и «этнография», примененные в связи с полевой работой социолога, стали отождествляться с «качественными» методами (особенно с включенным наблюдением) и «качественными» исследованиями. Однако отнести этнографический метод лишь к «качественным» исследованиям означало бы слишком упростить и ограничить наше рассуждение. Представители чикагской школы, прославившие и утвердившие этнографический подход к исследованию современного города, применяли и статистические данные.

«Понимающие» подходы в социологии (символический интеракционизм, этнометодология, феноменология, критическая теория, феминизм) привлекали все большее внимание социологов. В наиболее известных работах первой половины XX в. содержалось убеждение, что социальная практика «качественных» исследователей важна с точки зрения представления голосов «других» – людей, исключенных из нормальных социальных отношений, замалчиваемых и заклеянных стереотипами в средствах массовой информации и общественном сознании. Исследования социальных отношений внутри различных групп, субкультур, общественных движений, таких организаций, как индустриальные предприятия, школы, больницы, тюрьмы, интернаты для людей с умственной отсталостью, дома престарелых, получали устойчивое название *этнографии*, а их познавательная природа характеризовалась как антипозитивизм.

Канонический текст начала 1960-х годов – «Мальчики в белом»¹¹ Г. Беккера с соавторами. Тесно увязанная с социальным временем 1950-х годов и методологическими дискуссиями в социологии этого периода работа о студентах медицинского колледжа стала попыткой придать «качественному» исследованию такую же строгость, какой обладают количественные. Указанная работа объединяла многие методы: полуструктурированные и полуструктурированные интервью сочетались в ней с включенным наблюдением и осторожным анализом полученных материалов в стандартизированной, статистической форме. В своей классической методологической статье Г. Беккер даже вводит понятие *квазистатистики*: «Включенный наблюдатель должен пользоваться возможностью собирать данные так, чтобы их можно было преобразовать в легитимные статистические. Однако обстоятельства полевой работы обычно препятст-

вуют этому... Поэтому то, что получает наблюдатель, лучше назвать квазистатистикой. Его выводы, хотя и неявно числовые, не требуют точных подсчетов»¹².

В анализе данных, отмечает Г. Беккер, «качественный» исследователь явно уступает своим коллегам-статистикам и потому нуждается в дополнительных ресурсах для утверждения своих выводов. Сегодня нам ясно, что этнографический подход в социологии, «качественное» направление социологических исследований – самостоятельное направление, хотя при желании исследователь может применять его в сочетании с «количественными», или статистическими, подходами.

Так называемый модернистский период развития этнографического подхода в социологии (1950–1970 гг.) завершился «Открытием обоснованной теории» Б.Г. Глэзера и А.Л. Стросса. Все это время этнография, или «качественная» социология, неизбежно романтична. Со всей возможной гуманистической энергией ученые показывали аутсайдеров – тех, кто находится «на краю» или «на дне» общества, – как героев общественного внимания. Экзистенциалистское убеждение в естественно присущей каждому человеку свободе перед лицом смерти, исследование маргинальной личности, поведения человека в пограничной ситуации нашли отражение в работах этого периода.

В период 1970–1986 гг., который называют временем «размытых жанров» («blurred genres»), продолжается оформление теоретических концепций, методов и стратегий исследований. Прикладные «качественные» исследования все больше оказывались в центре возросшего интереса ученых, политиков и средств массовой информации. В этот период этнографические стратегии применяются в социологических, исторических, биографических, организационных и клинических исследованиях. Получают дальнейшее развитие различные виды сбора и анализа эмпирического материала: этнографическое интервью (полученное или полуструктурированное), наблюдение, анализ документов, продуктов визуальной культуры (реклама, кинофильм, живопись, скульптура) и личного опыта. В исследовательскую практику вводятся компьютеры, которые в последующие десятилетия (конец 1980-х – 1990-е годы) получают еще более широкое применение для «качественного» анализа исторических, литературных и биографических документов, расшифровок интервью и наблюдений, видео- и фотоматериалов как «текстов» культуры¹³.

Две книги К. Гиртца¹⁴ начали и закончили период «размытых жанров». В этих работах автор доказывал, что прежние функционалистские, позитивистские подходы в науках о человеке уступили дорогу более открытым, мягким, «понимающим» подходам. Отправная точка этих новых подходов – понятие смысла культурных репрезентаций. Называя описание определенного события, ритуала и обычая «thick» («насыщенный»), К. Гиртц полагает, что все антропологические работы были и остаются интерпретациями интерпретаций. Наблюдатель не имеет привилегированного голоса в истолковании того, что было описано. Центральная задача исследователя – воссоздание ощущения данной ситуации: «Задача уловить не понятия, которые для другого народа являются близкими-к-опыту, и при всем том ухитриться связать эти понятия с проясняющими их далекими-от-опыта понятиями, которыми предпочитают пользоваться теоретики, чтобы зафиксировать общие черты социальной жизни, вне всякого сомнения, может быть названа задачей столь же деликатной – пусть и требующей чуть меньше навыков волшебства, – как влезание в чью-либо шкуру... Все это, конечно, сейчас демонстрирует знакомую траекторию того, что Дильтей назвал герменевтическим кругом, и вся моя аргументация здесь попросту обосновывает, что последний занимает в этнографической интерпретации столь же центральное положение, какое он занимает и в литературной, исторической, филологической, психоаналитической или библейской интерпретации, или, если уж на то пошло, в той неформальной аннотации повседневного опыта, которую мы именуем здравым смыслом»¹⁵.

Кроме того, К. Гиртц полагает, что границы между социальными и гуманитарными науками стали зыбкими. Социальные ученые начали применять гуманитарные модели,

теории и методы анализа (например, семиотического, герменевтического). Научные тексты стали все больше напоминать художественные повествования (нарративы)¹⁶; по его мнению, эссе, подобное произведению искусства, заменило научную статью¹⁷. Золотая эра четко отделенных друг от друга, стабильных и порядком догматичных социальных наук закончилась, и научный язык принял иной характер: истолкование документального фильма как художественного произведения (Майлер), притчевое изложение, подобное этнографии (Кастанеда), теоретические трактаты, напоминающие книги о путешествиях (Леви-Строс). В то же время возникли и совершенно новые подходы: например, постструктурализм, неомарксизм, деконструктивизм, этнометодология.

Еще один важный этап развития этнографического подхода в социологии относится к середине 1980-х годов. Это мощный познавательный поворот – *кризис репрезентации* (представления информации в научном тексте), отраженный в целом ряде работ по культурной антропологии и социологии культуры¹⁸. Эти работы характеризуются высокой степенью осмысления методов сбора информации, ее обработки и анализа полученных результатов самими исследователями. Всегда ли знание исследователя объективно и независимо от ценностей той социальной группы, к которой он принадлежит? Влияет ли пол ученого на выводы научного исследования, если оно касается, например, насилия в семье, сексуальных преследований на работе? Может ли представитель этнического или расового большинства претендовать на истинное представление жизненной ситуации меньшинств? Работы этого периода сосредоточены на социальных проблемах пола, класса и расы. Само создание текста, его написание представляется здесь методом исследования, который проходит через последовательные стадии осознания происходящего, рефлексии.

Так «качественные» исследования стали развиваться в новом, критическом направлении. На наш взгляд, усиление внимания к точке зрения и жизненному миру респондентов, учет социокультурных факторов, воздействующих на мнение исследователя, очень важны для современных отечественных социологов, ибо позволяют приблизиться к пониманию той сложной, постоянно меняющейся социальной ситуации, в которой мы сегодня оказались и начинаем себя осознавать.

«Журнал современной этнографии»

Что же происходит с этнографическим методом в социологии сегодня? Возьмем в качестве иллюстрации ответа на этот вопрос содержание нескольких выпусков периодического международного издания «Журнал современной этнографии», выходящего на английском языке. Специальный выпуск этого журнала вышел в апреле 1996 г. под названием «С этнографией в XXI век». Статьи, по замыслу редакторов, должны были отражать новейшие тенденции развития этнографической методологии. То, как выразили это редакторы журнала К. Эллис и А. Бочнер во вступительной статье к специальному выпуску, вероятно, поможет нам лучше понять задачи и особенности современных этнографов. Авторы убеждены, что сегодня необходимы такие способы выражения мысли, которые приглашают аудиторию к активному взаимодействию с горизонтами человеческого бытия, где жизненные ситуации оказываются комичными, трагичными или абсурдными, где существует бесконечное множество возможностей творить и проживать реальность. Формы и способы написания, а не только исследовательский инструментарий становятся неотъемлемой частью того, что называется риторикой этнографического метода, т.е. способами аргументации и представления результатов научной работы.

Научное творчество современных этнографов предполагает помещение автора в центр повествования, но при этом усиливается стремление ощущать присутствие читателя. Цель этнографа – не только знать, но и чувствовать, ощущать этнографическую «истину» и потому становиться как можно более причастным и вовлеченным – в моральном, эстетическом, эмоциональном и интеллектуальном смысле.

Истории, написанные этнографами сегодня, завтра будут пересказываться, анализироваться, «пробуждать субъектность и эмоциональную реакцию читателей. Своими конкретными интимными деталями они составят компанию одиночеству абстрактных фактов»¹⁹. Особое внимание, как видим, уделяется жанровой и стилевой специфике этнографических работ.

О чем пишут западные этнографы в своем журнале? Рассмотрим несколько примеров. Статья «Разве не глубока могила?» рассказывает об исследовании жизни одиноких людей, больных СПИДом, – тех, кто обычно молчит, а переживаемый ими опыт замалчивается обществом. Статья «Зеркала на лицах мужчин» – это исследование общественного движения, цель которого – возрождение традиционного образа мужественности в современном обществе. «Рассказывать сказки, писать истории: постмодернистское видение и реалистические образы в этнографическом описании» – диалог двух авторов об этнографии как жанре, о современных способах и принципах написания «этнографических» текстов.

Приведем несколько примеров публикаций в последующих выпусках журнала за 1996–1997 гг.: статья «Опасность, община и слежение за преступностью: анализ представлений афро-американских и белых участников» – исследование волонтерского движения, противостоящего росту преступности в районе; статья «На равных. Сохранение достоинства волонтерами приюта для бездомных»; статья «Все еще мужской мир: мужчины, которые выполняют женскую работу» – об опыте мужчин, занятых в традиционно женской сфере (воспитатели, учителя); статья «Обучение роли естествоиспытателя: препарация животных в средней школе».

Еще одна интересная работа – «Водитель: адаптации и идентичности в городских мирах работников по доставке пиццы». Иммигранты часто нанимаются работать развозчиками пиццы, водителями такси или общественного транспорта, и, пожалуй, в этом исследовании очень важен именно этнический фактор. Другие статьи, обзоры исследований и рецензии касаются таких тем, как этнография инвалидности, умственной отсталости; жизненный выбор женщин, которые страдают от насилия в семье; мнения мужчин-военных и их жен о реформах в американской армии, связанных с расширением возможностей военной карьеры для женщин. В апреле 1998 г. вышел специальный выпуск журнала, посвященный «этнографиям» образования.

Благодаря современным «этнографиям» мы часто обнаруживаем, что существуют такие черты знакомых нам мест, групп, условий, о которых нам, оказывается, мало что было известно, но знание которых может тонко, а подчас существенно изменить наши представления о них. Исследования в области истории выполняют, пожалуй, ту же функцию, представляя документы о происхождении современных явлений, существование которых мы принимаем само собой разумеющимся, как нечто естественное, а не как продукт истории. Большая часть современных «этнографических» работ в социологии связана, по определению М. Хаммерсли, именно с подходом «делать знакомое неизвестным»²⁰.

Если мы определим, как применять этнографию в социологическом исследовании, объектом последнего могут стать любые группы людей. Приоритетом остается смысл их деятельности, и, по мнению Д. Альтхайде, в этом случае даже продукты социального взаимодействия могут изучаться этнографическим методом. Этот автор разрабатывает «этнографический» подход к анализу средств массовой информации (этнографический контент-анализ)²¹.

То, что читательская аудитория получает в результате знакомства с «этнографическими» работами на самые различные темы, – не заключение, вывод или доказательство. Этнография *интерактивная* (направленная на взаимодействие исследователя, носителей изучаемой культуры и читателя) и *рефлексивная* (понимающая, осмысливающая факты в контексте такого культурного взаимодействия) никогда не закрывает и не ограничивает возможную дискуссию. Она лишь улучшает понимание, способность тонкого, но не поверхностного, а глубокого общения с темой и субъектами исследования. Важнейшее испытание, через которое «этнография» проходит сегодня

ради своего будущего развития, – это переход от описания мира к взаимодействию с ним. При этом исследователи становятся частью того мира, который они изучают, изменяют и конструируют.

Заключение

Во всем мире этнография сегодня признается не только как самостоятельная наука о культуре народов, но и как способ изучения культур, применяемый в социологии, истории, социальной антропологии. В России до недавнего времени этнографический взгляд на социальный объект практически не проникал в социологию, да и сама социология стала складываться у нас лишь в 1960-е годы. В 1970-е годы в Институте этнографии был создан сектор этносоциологии, соответствующая секция была открыта в Социологической ассоциации. Однако в числе методов этносоциологии преобладали количественные опросы, причем внимание этносоциологов было направлено на различные этнические группы. За редким исключением до начала 1990-х годов отечественные социологи избегали применять этнографические, «качественные» методы в исследованиях возрастных, профессиональных и иных социальных групп.

Сегодня в нашей социологии с отставанием в целых 60 лет по сравнению с западной наукой происходит поворот к изучению современной жизни с помощью этнографических методов²². Одним из первых в этом направлении стало исследование крестьянского труда в рамках проекта, возглавляемого Т. Шаниным и В.П. Даниловым. Социологи широко применяли этнографические методы – глубинные интервью и открытое включенное наблюдение²³. Новые подходы в отечественных «этнографических» исследованиях индустриального труда были открыты социологами российско-британского проекта под руководством С. Кларка «Перестройка управления и производственных отношений на предприятиях России», объединившего научные коллективы четырех регионов: Кемерово, Москвы, Самары, Сыктывкара – в работе над множественным кейс-стади²⁴ промышленных организаций²⁵.

Что нового может дать современному социологу этнографический метод в исследовании современного общества? На наш взгляд, этнография в этом контексте служит надежным аналитическим инструментом в изучении действительности. Полевой исследователь, вступая на «территорию», хорошо известную ему в силу собственного культурного опыта (иными словами, где все принимается им как должное), будь то автобусный парк, торговая фирма или цех крупного предприятия, подобен первооткрывателю, вступающему в новый непознанный мир. Его успех в интерпретации этого мира будет зависеть от определенных установок и способностей к *этнографическому воображению*. Так метафорично можно обозначить умение исследователя общаться с людьми, слушать и видеть, т.е. именно то, что составляет залог успеха этнографа.

По словам М. Хаммерсли и П. Аткинсона, даже если «включенный» наблюдатель изучает знакомую ему группу людей или обстановку, он должен относиться к ним как к антропологически чуждым, и для этого потребуются особые усилия, чтобы обнаружить то, что им как представителем этой культуры не замечается или принимается как само собой разумеющееся²⁶. Важно научиться воспринимать окружающий мир отстраненно, чтобы избежать соблазна передать в дальнейшем мнения и ценности представителей лишь одной из сторон. Кроме того, исследователь должен уметь сопереживать участникам событий, с тем чтобы лучше понять смысл, который те придают тем или иным предметам-символам, поведению. Важно быть готовым к восприятию исследуемого объекта подобно чужаку, иностранцу, стремиться освободиться от предубеждений и стереотипов, которые весьма сильны, особенно тогда, когда исследование проходит там, где все знакомо. Вместе с тем не менее важно учитывать свое собственное «предзнание», социальный опыт, без которого любой чужак-иностранец беспомощен и неспособен понять «очевидные» вещи.

Мы убеждены, что этнография представляет собой не только научную дисциплину, конкретный способ сбора информации или жанр представления полевых материалов.

Как было показано выше, сегодня этнографическое направление – сложившееся направление мировой социологии. В настоящее время оно привлекает многих российских социологов, к числу которых относят себя и авторы этой статьи. С применением этнографического подхода активно развиваются исследования трудовых отношений, представлений о женственности и мужественности, культурных процессов в организациях, стратегий занятости, жизненных миров крестьянства и фермерства, жизненных стилей и социальных проблем городских жителей. Быть может, сотрудников «Этнографического обозрения» и его читателей заинтересует идея создания в журнале рубрики, где можно было бы публиковать социологические «этнографии» отечественных авторов и переводы зарубежных статей.

Сейчас во всем мире происходит стремительное изменение объекта этнографического изучения. Традиционная культура модернизируется, народы мира становятся в той или иной мере разновидностями современного общества. Это изменение объекта неизбежно сближает этнографию (этнологию, антропологию) и социологию, поэтому все ученые, рассуждающие о судьбах этнографии, должны учитывать эту тенденцию к сближению. С течением времени она будет оказывать все большее влияние на деятельность этнографии. Приведенные в статье материалы знакомят с конкретными примерами, показывая, какими могут быть результаты взаимодействия двух наук.

Примечания

¹ См., напр.: Козенко А.В., Моногарова Л.Ф. Эпистемология этнологии // Этнограф. обозрение. 1994. № 4. С. 3–15; Семенов Ю.И. Этнология и гносеология // Там же. 1993. № 6. С. 3–20; Соколовский С.В. Этнографические исследования: идеал и действительность // Там же. 1993. № 2. С. 3–13; № 3. С. 9–14; Тишков В.А. Советская этнография: преодоление кризиса // Там же. 1992. № 1. С. 5–20; Филиппов В.Р., Филиппова Е.И. *Credere experto* (Отечественная этнология сегодня и завтра) // Там же. 1993. № 5. С. 3–11.

² См., напр.: Burgess R.G. *Field Research: a Sourcebook and Field Manual*. L., 1982. P. 164–165; *idem*. In the field. L., 1984; Clifford J., Marcus G.E. *Writing Culture*. Berkeley, 1986; Denzin N., Lincoln Y. *Introduction: Entering the Field of Qualitative Research* // *Handbook of Qualitative Research*. Thousand Oaks, 1994. P. 1–17; Hammersley M., Atkinson P. *Ethnography: principles in practice*. L.; N.Y., 1996; Van Maanen J. *Tales of the field: On Writing Ethnography*. Chicago, 1988; *idem*. *Special issues on qualitative methodology* // *Administrative Science Quarterly*. 1979. № 24.

³ Романов П.В. Процедуры, стратегии, подходы «социальной этнографии» // Социол. журн. 1996. № 3/4. С. 138–149.

⁴ Spradley J.P., McCurdy D.W. *The Cultural Experience: Ethnography in a Complex Society*. Chicago, 1972. P. 3.

⁵ Метод М. Вебера называется по-немецки «verstehen» (понимать), английское название этого направления – «interpretative sociology» (интерпретативная, или понимающая, социология).

⁶ Ионин Л.Г. *Социология культуры*. М., 1996. С. 76.

⁷ Батыгин Г.С. *Лекции по методологии социологических исследований*. М., 1995. С. 18.

⁸ Atkinson P. *The Ethnographic Imagination*. L., 1994. P. 2.

⁹ Whyte W.F. *Street Corner Society: The Social Structure of an Italian Slum*. 3rd ed. Chicago, 1981.

¹⁰ Clough P.T. *The End(s) of Ethnography: From Realism to Social Criticism*. Newbury Park, 1992. P. 21–22.

¹¹ Becker H.S., Geer B., Hughes E.C., Strauss A.L. *Boys in White*. Chicago, 1961.

¹² Becker H.S. *Problems of interference and proof in participant observation* // Becker H.S. *Sociological Work*. Chicago, 1970. P. 21.

¹³ Процесс включенности индивидуального исследователя в анализ данных, формулирование и переформулирование задач их обработки принципиально изменились. Для анализа материалов качественных интервью особое значение приобрело создание специализированного программного обеспечения, таких пакетов программ, как NUD-IST, ETHNOGRAPHER и др. В России специализированные средства качественного анализа текстов известны лишь с 1996 г. (пакет КОНТЕНТ-АНАЛИЗ 1.6), а для качественного анализа пока не созданы вообще.

¹⁴ Geertz C. *The Interpretation of Cultures*. N.Y., 1973; *idem*. *Local Knowledge*. N.Y., 1983.

¹⁵ Гирцк К. С точки зрения туземца // Девятко И.Ф. *Модели объяснения и логика социологического исследования*. М., 1996. С. 92, 106.

¹⁶ См.: Ярская-Смирнова Е.Р. *Нарративный анализ в социологии* // Социол. журн. 1997. № 3. С. 38–61.

¹⁷ Geertz C. *Works and Lives: The Anthropologist as Author*. Stanford, 1988.

¹⁸ Marcus G., Fisher M. *Anthropology as Culture Critique*. Chicago, 1986; Turner V., Bruner E. *The Anthropology of Experience*. Urbana, 1986; Clifford J., Marcus G.E. *Op. cit.*

- ¹⁹ *Ellyss C., Bochner A.P.* Introduction // *Journal of Contemporary Ethnography*. 1996. V. 25. № 1. P. 3–5.
- ²⁰ *Hammersley M.* What's wrong with ethnography? L., N.Y., 1992. P. 33.
- ²¹ *Altheide D.L.* Qualitative media analysis. Qualitative research methods series. V. 38. Thousand Oaks; London: New Delhi, 1996.
- ²² Россияне – столичные жители. М., 1994; Русские – этносоциологические очерки. М., 1992; *Сидоренко-Стивенсон С.А.* Московские бездомные // *Человек*. 1996. № 2. С. 116–125.
- ²³ Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. Хрестоматия. М., 1992; Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. М., 1996; Крестьяноведение. Теория, история, современность. Ежегодник. М., 1976.
- ²⁴ Множественное кейс-стади – исследование нескольких объектов с применением на каждом из них включенного наблюдения, интервью и анализа документов.
- ²⁵ Предприятия и рынок: динамика управления и трудовых отношений в переходный период (опыт монографических исследований 1989–1995 гг.) // *Российская политическая энциклопедия*. М., 1996. С. 6–29; *Романов П.В.* Патернализм на предприятиях России // Тез. докл. первой конференции по исторической психологии российского сознания «Провинциальное сознание в России: прошлое и настоящее». Самара, 4 июля 1994 г. Самара, 1994; *Романов П.В., Козина И.М., Металина Т.А.* Металлургическое предприятие «Прокат» в период экономических реформ // *Крупные промышленные предприятия: перестройка управления и трудовых отношений (монографические исследования 1992–1995 гг.)*. Сер. «Социально-трудовые отношения». М., 1996. С. 8–40.
- ²⁶ *Hammersley M., Atkinson P.* Op. cit. P. 9.

P.V. Romanov, E.R. Yarskaya-Smirnova. Ethnographical Imagination in Sociological Research

The article acquaints its reader with the ethnographical approach to sociology, and demonstrates the capabilities of ethnographical methods which are utilized in studying some organization or socio-cultural features of this or that professional, age, gender or subcultural group. The concrete examples cited in the article illustrate the results of interaction between ethnography and sociology.

© 2000 г., ЭО, № 2

Н.Л. Пушкарева

КАК ЗАСТАВИТЬ ЗАГОВОРИТЬ ПОЛ?

**(гендерная концепция как метод
анализа в истории и этнологии)**

Этнографы были первыми среди тех, кто, изучая жизнь разных народов, обнаружил значительные различия в понимании представителями этих народов социальных ролей, позиций, прав и обязанностей мужчин и женщин. Именно этнографы задолго до современных дискуссий показали, что указанные различия варьируют в разных странах, у разных этносов и обусловлены множеством факторов – как социальных, так и внесоциальных (например, географическим, климатическим, биологическим). Но не этнографы, а социологи и философы (причем среди двух последних групп преобладали женщины, явно разделяющие идеи современного феминизма) первыми предложили подвергнуть сомнению универсальность понятий «культура», «прошлое культуры» и «прошлое» вообще для всех людей без различия пола. Именно философы и социологи первыми задумались над тем, не может ли пол служить таким же инструментом социальной детерминации, как класс и этнос.

Новый взгляд на роль пола в культуре и истории стал основой своеобразной революции в гуманитарном знании, которую вполне можно назвать «невидимой»¹. Основ-